

Евгений Голубовский

Детскость как метафора

Не хочу писать воспоминания. Передо мной машинопись, почти полтора ста стихотворений. Их могла отобрать Лена Миленти. Их мог сложить я, публикуя ее стихи в трех номерах «Всемирных одесских новостей», в сборниках «Зеленой лампы» – «Сто» и «Пять».

Эту подборку собрал, сложил Сергей Главацкий.

Пронзительное ощущение от стихов – детскость, пронесенная сквозь жизнь. Это понималось не сразу. Вначале вызывало удивление, но потом, привыкнув к голосу, которым она читает свои стихи (так исполняли пионерские речовки), ощутив в них

мягкую иронию, наконец-то осознаешь, что Лена Миленти привносит в наш мир детскость как свой жизненный принцип.

Лена необычайно искренний человек. Сколько раз мы слышали, что искусство – игра, что поэт, художник, артист – человек играющий. А она жила, играя словами и смыслами. Для нее и парадоксы не были парадоксальными, она так жила, так верила.

Увидеть небо, падая с горы...

Может быть, кому-то покажется, что в этой строке – метафора ее жизни. Я бы сказал: только одна из метафор – не существенная, а сущностная.

И под ребро не запустить страх...

Ни боязни, что не успеешь высказаться, ни боязни, что покажешься смешной, ни боязни перед неоконченной строкой, мыслью. Зафиксировано чувство. Яркий всплеск жизни, и это самоценно.

Она знала, ощущала это всегда, писала, меняя слова, но оставаясь верной звуку:

В этом пределе грехи отпускает смерть.

Знала, но не жила в смирении, подсчитывая свои или чужие грехи. Поэтам грехи отпускает вечность, в которой остаются стихи.

А впрочем, она не раз в стихах проговаривает сквозь сон, сквозь явь, примеряет смерть. Вот и стихи, как бы воскрешающие Николая Гумилева, но, по сути, еще одна метафора ее существования.

Паутиной забвенья покроется бренное слово.
И земля заберет то, что небо не сможет забрать.
И ребенок дворец возведет на руинах былого,
Где окно задрожит, обретя отражения власть.

Где входящий узнает и сырость, и затхлость, и плесень,
Но картины на стенах излечат его от простуд.
На весах поражений победу последнюю взвесив,
Он увидит во сне, как его на расстрел поведут.

Лена Миленти – лирик. В самом прямом, хрестоматийном смысле этого слова. Только все, пропущенное сквозь себя, более того – все о себе. Не о Гумилеве, не о Марье Ивановне, не о Леониде Макаровиче или Петре Алексеевиче (а знала ли она эти имена-отчества?), нет, только про себя, про свой восторг перед миром,

про несправедливость мира, но где они касаются ее лично, нарушают ее миропорядок.

Это не значит, что она аполитична, что детскость отвлекла ее от болей современников. Вот стихотворение, написанное 4 мая – не знаю, какого года. Но, положив цветы на Куликовом поле, она позвонила мне, рассказала, что видела Олега Губаря и прочитала эти стихи. Свое поэтическое предвиденье...

Я сегодня узнаю, что я обрела свой ковчег.
И от будней, отхлынувших горлом, останется слово.
Это солнце четвертого мая сияет для всех
Потерявших себя для того, чтоб вернуть себя снова.

Волны будут дышать наравне, нараспев, на разрыв.
Ты почувствуешь право забыться, забыть, потеряться.
И, вращая в песок, все открытия опередив,
Чтоб на этой земле – кем дано тебе быть – оставаться.

И еще одна метафора, которой, пожалуй, закончу это короткое предисловие ко второй – Главной – книге Елены Миленти:

Дайте к вам прижаться птицей,
У которой крыльев нет.

Прижималась. И ей давали прижаться. Один из тех не очень многих человек, которому всегда были рады на встречах в «Зеленой лампе», в «Потоках», на художественных выставках, на междусобойчиках. Кто знает, может быть, не столько она прижималась к друзьям, сколько прижимались к ней – источнику оптимизма, добра, улыбки, по-детски широко открытых глаз.

Поэтому эту книгу Елены Миленти мы завершили венком посвящений, написанных в мае-июне 2016 года, последнего года ее жизни.

